стилось еще с десяток старых, больных и раненых и два мерзавца, которых протопоп в приступе всепрощения решил спасти от справедливой кары. Это были пашковские ябедники, доносчики, исполнители кровавых приказов воеводы. Один из них, Василий, в свое время чуть было на кол Аввакума не посадил. После отъезда Пашкова казаки тотчас стали убивать доносчиков. Василия протопоп выкупил, а другой негодяй бежал в лес. Дождавшись Аввакума по пути, он с плачем кинулся к нему в карбас. Но за ним уже была погоня. Тогда Аввакум велел лечь стервецу на дно лодки, сверху бросил постель и уложил на нее жену с дочерью. Казаки перерыли все на судне, но Настасью Марковну с места не тронули.

— Матушка, опочивай ты, — говорили они. — И так ты, государыня, горя натерпелась!

Аввакум же позволил себе сказать ложь во спасение ябедника:

— Нету его у меня!

Потом он не без гордости каялся в том, что солгал. И это очень примечательно для Аввакума. С одной стороны, солгал, а с другой — спас человека, который еще способен покаяться и исправиться. Вот и разбирайся Христос на Страшном суде в этом деле.

В плавании Аввакуму сопутствовала удача. Стали запасы кончаться, изюбря добыли. В устье Селенги русских людей встретили, станицу соболиную, рыбу они там промышляли. Видно, так плохо выглядели путешественники, что станичники, глядя на них, плакали; пашковские же полчане плакали от радости. Всю рыбу, сорок осетров свежих, предложили им взять в запас.

Мрачно было на душе у Аввакума, когда он впервые оказался на Байкале. А теперь — человек свободный — огляделся, и... ровно другой свет осветил все. Господи, красота-то какая!

Вокруг моря горы высокие, утесы каменные; ветер из тех утесов высек и палаты, и повалуши, и ворота, и стол-

бы!.. Благословенна байкальская земля, растет в ней сам по себе лук большой и сладкий, чеснок растет, конопля, цветы благовонные... На отмелях песок золотой, чище чистого; у берега вода изумрудная, а дальше синяя-синяя, глубокая, холодная, и птиц на воде всяких, гусей и лебедей видимо-невидимо плавает. Как снег. А рыбы в море густо — и осетры, и таймени, и стерляди, и омули, и сиги... Осетры и таймени такие, что на сковороде нельзя жарить — один жир.

Жить бы да радоваться человеку красоте этой, думает Аввакум, так нет: человек все суетится, пустым занимается, скачет как козел, раздувается как пузырь, гневается как рысь, лукавит как бес, обжирается и ржет как жеребец при виде красоты, не им созданной.

Починив карбас и скропав парус из бабьего сарафанишка, пошли через море. Едва переплыли, как началась буря — насилу место нашли от волн. Пока Аввакум в Даурии был, неподалеку от Байкала новая крепостица выросла — Иркутск. К зиме сплыли по Ангаре до Енисейска, где Аввакума хорошо принял воевода Иван Ржевский.

Весной тронулся по Оби. По дороге его перехватили туземцы. Перед этим они только что убили двадцать человек, а его отпустили. Надо думать, что Аввакума хранил его священнический сан — как Пашков с казаками уважали и побаивались туземных шаманов, так и туземцы не хотели навлекать на себя гнев таинственных, потусторонних сил, с которыми непременно был связан «русский шаман». На Иртыше снова засада. Обскочили «иноземцы», луки со стрелами направили. Аввакум сошел с судна, стал их обнимать. Мужики подобрели, привели своих баб. А уж Настасья Марковна, само обаянье, улестила их. Аввакум уже знает, как много значит настроение женщин, как они умеют повернуть по-своему, и в будущем, вербуя сторонников, он станет опираться именно на женщин.

Вот и теперь мужики спрятали свои луки и стрелы и стали торговать с Аввакумом. Когда он прибыл в Тобольск,

там удивились, как ему удалось проехать. Почти по всей Сибири — от Урала до Оби — полыхало восстание башкир, татар, черемисов, хантов и других народов, поднятое Девлет-Киреем, внуком хана Кучума. Он мечтал восстановить «Сибирское царство» своего деда...

В Тобольске пошел десятый год странствий Аввакума. Архиепископа Симеона в городе не было, воеводой сидел Иван Хилков, сын князя Андрея, старого друга и защитника Аввакума. Для подавления восстания воевода готовил войско по-иноземному, «польскому», строю — тысячу рейтаров и тысячу пехотинцев. Многое было внове протопопу...

Уже в первых же русских городах на своем пути Аввакум увидел, что никоновские нововведения распространились и довольно прочно утвердились в церковном обиходе. Сперва он недоумевал — ему было известно, что сталось с Никоном. Почему же живет то, что заведено ненавистным патриархом? Как быть? Бороться в открытую? Или скрываться и вести борьбу тайную, что пророчило слабый успех? Он не боялся открыто проповедовать свои взгляды, но ему было страшно за жену и детей, которым тоже пришлось бы пострадать за него.

Настасья Марковна заметила его печаль и неназойливо («с опрятством») стала выспрашивать причину его дурного настроения.

— Как быть, жена? — сказал Аввакум. — Зима еретическая на дворе. Говорить мне или молчать? Связали вы меня!

Жена поняла его с полуслова.

— Что ты, Петрович, говоришь! Слыхала я... ты же мне и читал речь апостола Павла — «соединен с женою, не ищи развода». Я тебя с детьми благословляю: дерзай, проповедуй по-прежнему. А о нас не тужи... Не будем расставаться, а если разлучат, не забывай нас... Поди, поди в церковь, Петрович, обличай блудню еретическую!

В ноги ей поклонился Аввакум. Словно крылья обрел, отряс «печальную слепоту» и начал «учить по градам и везде, еще же и ересь никониянскую со дерзновением обличал».

Произнося речи во всех городах, которые он проезжал, выступая в церквах и на торгах, Аввакум довел свое ораторское мастерство до совершенства. Он не стеснялся ни площадного языка, ни крутой народной речи, приводил примеры из своей многострадальной жизни, и ему верили, за ним шли, его слово несли дальше. Еще десятки лет потом начальство доносило об «угаре», которым Аввакум наполнил сибирскую сторону.

Но успехи Аввакума как оратора объясняются не только его талантом. Не говоря уже о подготовленности почвы, на которую падали семена его обличений, в самом Аввакуме, в его духовном мире произошли большие перемены. Сотни раз он был на грани смерти и не умер. И все сильнее и сильнее крепло убеждение, что его берегут высшие силы, что ему предназначена некая высокая миссия... Он уже верил в собственную неуязвимость, в то, что вмещены в него «небо, и земля, и вся тварь». И он решил до конца стоять, по его словам, за «чистоту и непорочность» России. Такая убежденность не могла не удесятерять его силы, не могла не привлекать к нему людей.

В Тобольске Аввакум сперва бывал в церквах, служил в Софийском соборе по-новому, хоть и ругался. Однажды после заутрени в день именин царевны он вздремнул, и «в тонком сне» ему приснилось, как это бывает, именно то, о чем он напряженно думал все время. Христос «попужал» его, пообещал рассечь надвое, если он не будет блюсти веру. В тот день Аввакум, как он каламбурил, «к обедне не пошел и обедать к князю пришел». Во время обеда он был особенно красноречив и растрогал всех, а «боярин, миленькой князь Иван Андреевич Хилков» даже плакать стал. Чувствительностью воевода был в отца.

С той поры Аввакум ходил в церкви только проповедовать. В Тобольске он нашел немало ссыльных ревнителей благочестия, среди которых наиболее видной фигурой был поп Лазарь из города Романова. Одним из первых он начал «свободным языком проповедовать». Аввакум и

предполагать не мог, что вместе с Лазарем им в одном костре сгореть придется. А в общем поп был человек веселый, не дурак выпить и рассказать неприличную байку, чем он смущал гостей своего доброго знакомого, тоже ссыльного, а впоследствии знаменитого писателя Юрия Крижанича.

Судьба Крижанича, человека очень крупного и недостаточно еще оцененного, весьма любопытна. По национальности хорват, он принадлежал к знатному, но обедневшему роду. Учился в католических коллегиях в Вене, Болонье и Риме. Его готовили в качестве агента для пропагандистской работы в далекой православной Московии. Он изучил церковную историю, греческий язык и греческую литургию, прочел все литературные известия о России. Зная неприязнь царя к католицизму, он решил действовать среди русских осторожно, сперва «не упоминать о схизме», а только «увещевать их в добродетели». Скупые отцы католической церкви, правда, не снабдили его достаточными средствами, не особенно, видно, веря в успех его миссии. В первый раз он посетил Москву в 1647 году вместе с одним из польских посольств, разговаривал с патриархом и увидел, что католическими догмами тут никого не проймешь. Но рвение его не угасло, и он на свой страх и риск отправился в Россию снова.

На Украине он попал в самую гущу политических неурядиц и написал путевой очерк «От Львова до Москвы», который надеялся представить русскому царю. В 1659 году он вновь оказался в Москве. Он мечтал написать грамматику славянского языка, составить лексикон, а также собрать материал для обличения «инородников», клеветавших на славян. У него возникла идея объединения всех славян под властью царя, но царь... должен был признать главенство папы. Он предложил Алексею Михайловичу свои услуги в качестве царского библиотекаря. Но тут католику не поверили и на всякий случай сослали в Сибирь, обеспечив безбедное существование. В Тобольске он написал большой труд под названием «Политические думы».

Этот трактат, в котором есть разделы историко-философский, экономический и политический, написан на странной смеси русского, сербохорватского и польского языков. Таким представлял себе общеславянский язык панславистски настроенный Крижанич. Он очень благожелательно отнесся к московской действительности, пророчил Русскому государству великую будущность. Он верил во всемогущество русского абсолютизма и справедливо ждал от него реформ в области народного образования и экономики. Знания Крижанича энциклопедичны, он цитирует произведения сотен писателей, древних и новых. Горячо отстаивая власть просвещенного монарха, он не менее горячо выступает и против тирании. Главным для могущества славянских народов Крижанич считал неуклонное выполнение нравственных законов и борьбу против «чужебесия», борьбу против проникновения чуждого духа, так как это ведет к ослаблению нравственности, раздорам, к закабалению нации.

И Аввакум захотел увидеть этого человека, который был бы ему духовно близок, если бы не одно весьма важное обстоятельство... Послушаем, что рассказал об их встрече Крижанич:

«Аввакум (когда его из Даур в Москву везли) послал за мной и вышел на крыльцо навстречу. Только я хотел на лестницу взойти, как он говорит мне:

— Не подходи, стой там! Признайся, какой ты веры?

— Благослови, отче, — сказал я.

— Не благословлю. Скажи сперва, какой ты веры?

— Отче честной, — ответил я, — я верю во все, во что верует святая апостольская, соборная церковь, и иерейское благословение почту за честь. И прошу эту честь оказать мне. Я готов сказать о своей вере архиерею, но не первому встречному, к тому же еще и сомнительной веры...»

Так будто бы отбрил протопопа Крижанич. И описал он эту встречу в «Обличении Соловецкой челобитной», в котором обращался к сторонникам Аввакума. «Вот видите, отцы, каков ваш апостол, — добавил он. — Такой бы и

Христа осудил за то, что тот позволил Марии Магдалине ноги себе целовать».

Крижанич выступал против «чужебесия». А для Аввакума «чужебесием» было латинство, католичество Крижанича. Нетрудно углядеть в этом некую иронию относительности...

35

В начале 1664 года Аввакум с семьей благополучно проехал до Сухоны через охваченный восстанием край. С ними уехала из Тобольска калмычка Анна, все же постригшаяся в монахини. В Великом Устюге к ним присоединился местный юродивый Федор, ходивший всю зиму босой, в одной рубашке. Когда он забегал в церковь, его спрашивали:

— Как же ты после мороза в тепле стоишь?

— Когда отходят ноги, очень болят, — отвечал он и стучал по кирпичному полу ногами, как деревяшками.

Аввакум у него в келье обнаружил псалтырь новой, никоновской, печати и тотчас стал объяснять юродивому «еретичность» новых книг. Федор схватил книгу и бросил ее в печь. Так Аввакум приобрел верного и очень важного сторонника.

В Москве Аввакума встретили «как ангела божия». И царь и бояре — все были рады ему. Царский постельничий Федор Ртищев выскочил на крыльцо встречать его. Три дня и три ночи проговорили они; все Ртищев не отпускал увлекательного собеседника. Потом повел протопопа к царю. Алексей Михайлович справился о здоровье, дал руку поцеловать и пожать, распорядился поселить Аввакума на монастырском подворье в Кремле. Проходя мимо протопопова двора, царь всякий раз низко кланялся Аввакуму и просил благословения. Однажды Алексей Михайлович ехал верхом и, снимая шапку-мурмолку перед протопопом, уронил ее наземь. Из кареты высовы-

вался, завидев Аввакума. А следом и бояре к нему «челом да челом»...

Царь любил талантливых людей. Да и нужен был ему протопоп сейчас, когда окончательно решался вопрос о патриаршем престоле — и свободном, и вроде бы еще занятом отсутствовавшим Никоном. Но Аввакум не оправдал надежд царя. Он подал бумагу, известную под названием «Первой челобитной».

В ней он писал, как, живя на Востоке «в смертях многих», он надеялся, что в Москве тишина, а застал раздор церковный. Мало было морового поветрия из-за «Никоновых затеек»! Будут и еще беды. Как было тихо и немятежно при протопопе Стефане Вонифатьеве, скончавшемся в 1656 году, никого он не губил, как Никон. Докучает он, Аввакум, государю рассказами о своих бедах, но что было, то было. И ребра ломали, и кнутьем мучали, и на морозе голодом томили. И все-таки не хочет душа принимать законов беззаконных. Не время ли отложить служебники новые, «никоновы затейки дурные». Исторгнется злой корень — пагубное учение, кротко и тихо станет царство Алексея Михайловича...

И еще рассказал Аввакум о своих странствиях и о самодурстве Афанасия Пашкова. Но просил не мстить воеводе, а велеть ему постричься в монахи, чтобы впредь не сидел он нигде на воеводстве и не губил бы людей.

В первые же дни по приезде Аввакума в Москву Пашков понял, что дело его плохо. Он боялся разорения, пыток, злой смерти и хотел откупиться, предлагал протопопу много денег. Но Аввакум денег не взял. Другое у него было на уме — он жаждал моральной победы. И одержал ее.

Не выдержал Пашков пытки ожидания и послал за Аввакумом. Протопоп пришел к нему на двор, и грозный воевода бросился ему в ноги.

— Делай со мной, что хочешь!

Еще в Даурии Аввакум говорил, что Пашкова постричь надобно. И теперь он торжествовал. Вместе с мона-

хами Чудова монастыря он постриг и посхимил Пашкова. Самолюбие старого, но еще деятельного воеводы было уязвлено так сильно, что его разбил паралич, и он вскоре умер.

А вот дело с отменой «никоновых затеек» не сдвинулось ни на шаг.

36

Война с Польшей положила конец вековой борьбе, так как выявился перевес России. Воссоединились русские земли, возросла государственная мощь. Была выбита почва из-под политических притязаний католицизма. Более того, появилась возможность объединить духовные усилия Москвы и Киева для перехода в наступление на католицизм. Но для этого необходимо было не только перенять западнорусский опыт идеологической борьбы, но и с помощью ученых украинцев и белорусов овладеть системой пропаганды, применявшейся противниками России. И это невольно приводило к сближению и взаимному проникновению двух великих (русской и западной) культур.

Рядовые московские воины, побывавшие в западных областях России, привыкли к новым обрядам, отстаивали службы вместе с православными украинцами и белорусами, крестившимися тремя перстами. Царь Алексей Михайлович с великим удовольствием внимал киевскому церковному пению, а потом вводил такие распевы в Москве. Во время похода он и его окружение общались с католиками, среди которых были люди занятные и умные, и постепенно приучились к веротерпимости. Много белорусов и украинцев приехало в Москву. Они не были иностранцами и поэтому не знали ограничений, жили свободно среди москвичей. Грамотные и обходительные, они сразу же обзаводились широким кругом знакомых, что не могло не порождать либеральных веяний, подтачивавших скалу московской исключительности.

Иностранцы тоже охотно ехали в Московию. Их привлекали выгодными условиями и не отпускали, пока они не передавали свое мастерство переимчивым и способным русским ученикам. Особенно много иноземцев было в армии. Европа переживала смутное время. Фронда и регентство Мазарини во Франции... Гражданская война, казнь Карла I, правление Кромвеля в Англии... Эмигранты-дворяне из Англии и Шотландии неплохо приживались в Москве. Иные, приняв православие, становились совсем русскими помещиками, сидели сиднями в своих деревнях и даже, по обычаю некоторых русских, сказывались в нетях, когда надо было являться на службу...

В домашних библиотеках москвичей появилось много иноязычных и переводных книг. Уже у Никона был Демосфен и Плутарх. Во второй половине XVII века на русский язык перевели сто семнадцать книг, три четверти из которых были светскими. Сам Алексей Михайлович не гнушался носить польские и западные костюмы, завел во дворце иноземную мебель. А вскоре будет и «немчин играть в органы», а царица смотреть театральные представления... В домах бояр висели картины западных мастеров, хлопотали польские и немецкие слуги.

Петр I ступил на уже подготовленную почву. Как бы ни впечатляла его деятельность, не он первый задумал и начал осуществлять воссоединение русских земель, укрепление западных и южных границ и знаменитые реформы. Алексей Михайлович не собирался резко менять русский уклад на западный, но и не отказывался от полезных новин. Что же касается резания бород, то у Петра I были и бритые враги, и бородатые друзья...

За несколько месяцев до возвращения Аввакума в Москву там же появился образованный монах Симеон, замеченный Алексеем Михайловичем в Полоцке еще во время военного похода. Способный проповедник и стихотворец, он стал учителем царских детей, втолковывал Алексею Михайловичу западные идеи абсолютизма.

37

Неурядицы, шатания, анафемы — все это подрывало уважение к церкви. Во время патриаршего междуцарствия, длившегося девять лет, царь все чаще вмешивается в церковные дела и даже поручает присматривать за ними своему боярину Семену Лукьяновичу Стрешневу, который стал как бы предтечей обер-прокурора Синода.

Никона не любил никто — бояр унижала его властность, церковники страдали от его суровости, народ видел в нем нарушителя старых верований и обычаев. Но реформа не была личным делом Никона. Ее хотел царь, ее освятили восточные патриархи, и, что самое главное, она расширяла политические возможности Русского государства.

Падение Никона заставило его противников еще больше сомневаться в правильности реформ. Алексея Михайловича буквально засыпали челобитными; на всех улицах и перекрестках по всей Руси обсуждалась правка книг. Люди читали, выискивали исправления, спорили. Это было доступно всем знавшим грамоту. Пока каждый мог свободно высказать свое мнение, и каждый дорожил им.

Новые переводы книг не были совершенными. Сам Никон греческого языка не знал. Главным переводчиком и справщиком книг при нем был Арсений Грек, который только во время ссылки в Соловки выучился говорить по-русски. В тонкостях русского языка он не разбирался, не всегда умел подыскать нужное слово или оборот, и поэтому его переводы уступали старым в ясности и точности, многие выражения в них звучали для русского двусмысленно и чуждо. Критики, помня нечистоплотное прошлое Арсения Грека, обвиняли его в намеренном искажении текстов.

Епифаний Славинецкий был человеком высокой культуры, ученым, проповедником, переводчиком. Но в последнем качестве он известен как крайний приверженец буквализма. Епифаний насиловал природу русского языка, шел на поводу у греческого строя речи. Он просто подставлял вместо

греческих слов русские, выстраивал их в искусственные и маловразумительные сочетания. Изобретал собственные слова. Естественно, это давало обильную пищу для толкований и обвинений.

Эти переводы русская православная церковь по сию пору считает неприкосновенными.

38

Иван Неронов уже через год после ухода Никона подал царю челобитную об избрании нового патриарха. Ее подписали «всяких чинов люди», считавшие, что пора кончать со смутой. Суздальский поп Никита Добрынин, известный в истории под прозвищем Пустосвят, подал на архиепископа Стефана донос за то, что тот употреблял никоновские обряды, и собор 1660 года едва не осудил Стефана. В Соловецком монастыре новых книг не признавали, но царь приглашал соловецкого архимандрита к своему столу. Церковные иерархи чувствовали себя неуверенно: одним больше нравилось старое, другим — новое. Царь гневался на упрямых епископов, но решительных мер пока не принимал.

Еще до возвращения Аввакума из Сибири стала складываться литература в защиту старых обрядов. Родственник Ртищева архимандрит Покровского монастыря Спиридон Потемкин обвинял исправителей книг в латинской ереси.

Он и другие проповедовали:

Создав церковь, Христос обещал ей существование до скончания века. «Созижду церковь мою, и врата адовы не одолеют ее». А посему церковь недвижима в своем устройстве и догматах. Знамя церкви держат в Русском государстве. В писании говорится, что древний змий, который есть дьявол и сатана, был окован ангелом с неба на тысячу лет. «И егда скончается тысяща лет, разрешен будет сатана от темницы своей, и изыдет прельстити языки сущия на четы-

рех углах земли». В XI веке западная церковь отпала от восточной. Еще через 600 лет Западная Русь приняла в Бресте унию. Еще через 60 лет Никон произвел перемены в московском благочестии. А после 1666 года (число зверя — 666) придет и сам князь тьмы, антихрист в образе человека.

Это очень действовало на умы.

В лесах под Вязниками образовалась целая колония «лесных старцев». Ученики Капитона — француз Вавила, Леонид, Василий Волосатый — проповедовали уже не укрощение плоти, а самоубийство голодом. Изуверы-морильщики сотнями запирали людей в избах, но сами в голодовках не участвовали, несли свою ужасную проповедь дальше. К 1665 году изуверы стали призывать крестьян запираться в овинах и сжигаться. Десять последующих лет весь Север был охвачен массовыми «гарями», как тогда называли самосожжения.

Близок по духу Спиридону Потемкину и «лесным старцам» был внук крепостного из поместья Одоевских дьякон московского Благовещенского собора Федор Иванов. Этот молодой еще человек увлекся вопросами обряда, изучил греческий и латинский языки, раздобыл старинные книги и писал сочинения, полные мрачных предсказаний. Впоследствии они с Аввакумом пояснили пришествие антихриста, «сына погибели». Он будет человеком, определенной личностью, «зачатой от блуда» еврейской женщиной «от колена Данова». И он «воцарится в Риме, но пройдет мучительски и до Иерусалима». Там, в своей столице, он будет первым среди одиннадцати земных царей, начав покорение прилежащих стран с Египта.

Гнетущее беспокойство заставляло обращаться к туманным словам древних книг, к сочинениям Кирилла Александрийского, например, и толковать по-своему откровения Иоанна, предсказывавшего появление царя, «которому надлежит пасти все народы жезлом железным».

Все это будоражило русский народ, катилось до самого Дона и дальних сибирских краев, подготавливая почву

для появления сотен старообрядческих группок и сект, наслаиваясь на недовольство крестьян все туже завинчивающимися тисками царской и боярской власти.

Старая гвардия ревнителей благочестия почти сошла на нет. Неронов совсем одряхлел, да и примирился он с нововведениями. Но возвращения Аввакума добивался неустанно. Молва о страданиях и огнепальной проповеди протопопа в Сибири возбуждала любопытство, надежды, тревогу.

39

Тревогу испытывал и царь. Но, как трезвый политик, он рассчитывал на сокрушительную работу времени, денег, власти. Аввакум, насколько помнил Алексей Михайлович, простодушно любил всяческие почести. И эти почести были ему оказаны.

Протопопу сказали прямо: уймись, и ты получишь любое место. Даже наивысшее — место царского духовника. Заготовили и показали ему бумагу о назначении. Но Аввакум «не захотел, да не захотел же...».

Уговаривать Аввакума поручено было окольничему Родиону Стрешневу, впоследствии боярину и «дядьке» царевича Петра. И если царь надеялся «исправить» протопопа, то и Аввакум чаял «исправить» царя. Он так и сказал Стрешневу: мол, «помаленьку исправится» царь. Стрешнев хохотал — такое о царе можно было сказать только в шутку.

Царь велел вознаградить протопопа. «Пожаловал, ко мне прислал десять рублев денег, царица десять рублев же денег, Лукьян духовник десять рублев же, Родион десять рублев же, а дружище наше старое Федор Ртищев, тот и шестьдесят рублев казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных и нечева сказывать: всяк тащит да несет всячиною!» Поскольку Аввакум отказался от духовничества, ему посулили, что с сентября 1664 года он сядет на Печатном дворе и будет править книги.

Большей радости Аввакуму трудно было доставить. Но еще в августе боярин Салтыков передал ему царский выговор:

— Власти на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил. Поедь в ссылку опять.

Что же стало причиной царского гнева? Что успел сделать Аввакум за свое сравнительно короткое пребывание в Москве?

Очень многое.

До приезда Аввакума многочисленные противники никоновской реформы действовали всяк на свой риск. У них не было признанного главы, руководителя, который бы объединил разрозненные усилия и создал мощное движение. Теперь такой руководитель появился. Десятилетняя ссылка в Сибирь, непоколебимая стойкость и приверженность к «родной святой старине», громадная начитанность, редкая способность в любых условиях постоять за свои убеждения — все это создало ему непререкаемый авторитет. Аввакум воспринял признание своих заслуг как нечто само собой разумеющееся и пошел напролом — он действовал смело, не знал колебаний и не шел ни на какие уступки.

Любопытно, что первыми обвинение в расколе бросили своим противникам именно Аввакум и его друзья. Для Никона, а потом для Алексея Михайловича такого понятия не существовало — были строптивцы, возмутители спокойствия и не более того.

Аввакум был желанным гостем в домах московской знати. Многие становились его духовными сыновьями и дочерьми. Умный и тонкий психолог, отличный рассказчик, протопоп притягивал к себе людей как магнит. Так он сразу сблизился с боярыней Феодосьей Прокопьевной Морозовой и ее сестрой княгиней Евдокией Прокопьевной Урусовой. Обе были дочерьми окольничьего П. Ф. Соковнина, близкого родственника и дворецкого царицы. Феодосью рано выдали замуж за Глеба Ивановича Морозова,

брата царского «дядьки и пестуна», а потом всесильного временщика Бориса Ивановича Морозова. Рано же овдовев, она по-прежнему занимала высокое место при царице Марии Ильиничне, была ее ближней боярыней и подругой. И Соковнины и Морозовы имели сказочно большое состояние.

Женщина экзальтированная, она тянулась к славному сибирскому мученику и самозабвенно служила его делу. Свой дом она превратила в подобие монастыря, наполнила его монахинями, нищими, юродивыми, которые, имея доступ в любой московский дом, усердно помогали Аввакуму настраивать общественное мнение.

Морозова жила без мужской ласки. Нервная любовь к единственному сыну и лихорадочная деятельность в защиту старины стали смыслом ее существования. Современным романистам, заглядывающим в XVII век, всегда соблазнительно бывает внести в отношения Феодосии и Аввакума некий романтический оттенок, а то и намекнуть на возможность близости между ними. Поводом к тому может быть имеющееся в делах XVII века неподтвержденное обвинение в том, что, водясь с протопопом Аввакумом, боярыня Морозова будто бы «робят родит».

— Вдова я молодая, — говорила она Аввакуму. — Хочу тело свое умучить постом и жаждою...

У своей духовной дочери Аввакум «не выходя жил во дворе». Часто бывал он и у родственницы царицы — боярыни Анны Петровны Милославской, внучки знаменитого князя Димитрия Пожарского. К Федору Михайловичу Ртищеву за Боровицкие ворота он ходил «браниться с отступниками». Кстати, Феодосья Морозова была двоюродной сестрой начальника приказа Большого Дворца Ртищева, а ученый старовер Спиридон Потемкин — его дядей по матери.

Ртищев, как мы уже говорили, покровительствовал украинским монахам и стоял за новшества, но не забывал и ревнителей старины. Он любил слушать их оживленные и